

ПОЭТ ВИДИТ ПОЭТА

К 65-летию нашего поэта-земляка Дмитрия Ивановича Блынского вышла в свет уникальная книга – целый том, посвященный его творчеству «Я полон света» («Внешние воды», 1997г.). Составитель этого сборника тоже поэт и тоже художник Петр Иванович Родичев, а также сестра Дмитрия – Валентина. В книге собрано творческое наследие Блынского: стихи, поэмы, новеллы. Не окончены новеллы, начат роман – все это говорит о том, что поэт был полон творческих замыслов. Поживи подольше, он вероятно, сделал был в литературе гораздо больше. Однако и сейчас поэт Дмитрий Блынский воспринимается как певец малой Родины. Кредо поэта выражено в известном стихотворении «Пойдем в мой край...» Уже с детства мы привыкаем к таким строкам:

*«Пойдем в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут не «ты»
С любим ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал».*

Певец воспевает красоту родного края. Орловщина для Блынского – символ, флаг России, под которым и рождаются, и умирают и который не меняют ни на что, никогда. А.Елкин в своей статье вспоминает, что какой-то поэт сказал Блынскому, что надо писать глубже, менять, что ли, символы, приоритеты. А ты, мол, Блынский, все воспевашь березки. А про это дескать, уже столько написано. Вместо Блынского ответим тому поэту так: написано – но смотря кем и как!

Поэт Грибачев писал Блынскому о некоторых его стихотворениях: «Опасность подобного рода, как мне кажется, - дай бог, чтобы ошибся! – намечается для Вас в последней трети книги, особенно в таких стихах, как «Сентябрь поджег ракиту над прудом», «Лишь напомнят о близкой осени» и некоторых других. Они, эти стихи, малоактивны, созерцательны, причем созерцательны традиционно. Малость мысли, ее небольшая энергия всегда являются недостатками поэзии, а при ее традиционных образах – особенно. Повторения в поэзии – всегда шаг назад.

И еще одно, - шире круг тем! Ни один поэт, как и ни один человек, не мо-

жет забыть, что мы живем в век штурма космоса, в атомный и ракетный век, во времена, когда на наше сознание мощно воздействует радио, телевидение, широчайшая пресса. И думаем мы не только о себе, но и обо всех уголках земного шара».

(Н.М.Грибачев – Д.И.Блынскому, 5.11.60г.).

Заметим, однако, поэт-орловец в малой Родине видит всю большую Россию. Для него просто немыслимо иное восприятие. Родной край, его проблемы, радости, близкие сердцу пейзажи радуют поэта. Поэт живет жизнью своего Орловского края, отсюда и психология земляков, любовь к нашим орловским березкам, к людям. Может быть, голос поэта не так уж и громок, но его слышат, воспринимают, любят.

Вместе с тем письма дают повод для размышления о том, как не просто быть талантливым поэтом не только в стране, но и особенно на Орловщине. Действительно, поэту нужно уйти из жизни, чтобы ему, наконец, воздали должное. Переписка, воспоминания современников рисуют внешний да и внутренний мир поэта-орловца.

Когда-то командировки, все удлиняясь, приводят к тому, что Блынский все покидает Орловщину, родные березки, переселяется на столичные асфальты. В Москве он попадает в круг поэтов-комсомольцев (В.Фирсов, В.Сорокин и др.) и пытается тоже писать об ударных стройках, пятилетках. И все же это не его тема. Он не может поспеть за «прытью» других, и это, вероятно, становится причиной творческого кризиса.

Блынский пробует себя в прозе, даже в романе. Но роман начат и не закончен. Написано несколько новелл, но и они не приносят удовлетворения. Само время, городские асфальты, куда попадает певец деревни не для него. Он не находит себя в тех условиях. И это грустно. Поэт есенинской традиции, как и многие из «полупроклятых» или вовсе «проклятых» поэтов, - он так и не реализуется до конца...

Блынский прожил короткую, но яркую жизнь. Мы извлекаем из его творческой жизни добрый и в то же время печальный урок. Почему такое повторяется у нас из поэта в поэта, из поколения в поколение? Когда же хоть прекратится эта печальная нить!

Прежняя система, когда не допускалось малейшее отклонение от ординара,

без чего невозможен настоящий художник, - вот на что направлены мысли Бlynского в одном из писем, когда он рассказывает о своей поездке в Латвию. И мне вспоминается, как однажды в те времена мой отец пришел домой расстроенный (он работал тогда в «Орловской правде»). Мода тогда была вызывать «на ковер» для всякого рода «проработок». Так вот, на редколлегии, один профсоюзный лидер редакции из угодничества перед начальством сказал: «Вот стоишь у стенки, так хоть помолчи! Не таких ломали недавно тут стоял Дмитрий Бlynский». - На что отец ответил, что такого человека, как Дмитрий Бlynский на колени никому не поставит, никогда! Такова запоздалая реакция официоза на чистые, внешне безобидные стихи Бlynского «Родина».

*«То она – от горя мать седая,
То она – веселая березка,
Что склонилась над рекой неброско.
То одета белой метелью.
День и ночь поет над колыбелью.
То с мечом, чтоб недруги дрожали,
Охраняет солнечные дали.
Знал ее и сытой и голодной,
Видел и горячей и холодной,
Лишь во всех годах и поколениях
Не случалось видеть на коленях».*

Помню, я учился в Москве, на Высших литературных курсах. Два года прожил я в одной комнате литинститутского общежития, где на подоконнике случайно нашел нацарапанное «Дм. Бlynский». Так поэт отметил свое местопребывание в той комнате и в моем сердце...

На Орловщине, где существует культ короткого лирического стиха, определенный интерес представляют собой поэмы Бlynского. Свое эпическое дарование поэт раскрывает в них, предстывая перед нами еще и как эпик. В поэмах дается панорама мирных будней и суровых военных лет. Люди проходят испытания, в горниле которых выковываются характеры, созидаются натуры.

Особо нужно сказать о большой работе составителя тома, человека, приведшего в порядок весьма разрозненный архив поэта, - Петре Ивановиче Родичеве. Из писем читателей, друзей поэта, близких ему людей, из писем самого Дмит-

рия по сути создан архив Дм. Блынского, том появился как бы из небытия. В письмах узнаешь о вкусах, пристрастиях Блынского, как он работал над стихами, поэмами, над образом, словом. Знакомишься с мнениями, отзывами поэтов, просто читательской реакцией на стихи Блынского. Переписка поэта – еще одно свидетельство эпохи, непростой судьбы ушедшего рано поэта. В ней находишь строки о любви читателей к Блынскому. Поневоле выделяешь места, говорящие о материальной нужде поэта, о его непростых отношениях с официозом, к примеру, в Москве. Корреспонденция дополняет литературный, творческий портрет Блынского. Активная гражданственность, открытая публицистичность выявляют точку зрения автора на мир и события, на жизнь народа.

Лиризм – сам нерв поэзии Блынского, его эстетика, красота, душой так до конца и не исполненный полет. От чего возникает щемящее чувство. И вот заповдалое, но все-таки прижизненное признание - стихи к нему и о нем более поздних авторов. Они предвосхищают воспоминания современников. В них – все про любовь к таланту Блынского, про любовь самого Блынского к России, Орловщине, в которой все мы тоже видим символ России. И надпись «Дм. Блынский», нацарапанная когда-то на подоконнике, в комнате общежития Литинститута, так и остается во мне тем звонким «ручьём», таким светоносным, тихим, естественным образом самого поэта, голос которого не заглушишь никакими возвращенными искусственно звуками.